

Ямалова Эльвира Наилевна

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ БАЛТИИ

В статье проведен сравнительный анализ национальной политики и формирования национальной идентичности в странах Балтии. Раскрываются этнополитические причины различий и динамика реализации национальной политики на современном этапе. Рассмотрен внешний фактор в виде влияния ОБСЕ и Европейского Союза на либерализацию законодательства стран Балтии. Делается вывод о позитивном влиянии внешнего фактора на интеграционные этнические процессы внутри балтийских стран. Эмпирические данные позволяют отметить снижение межэтнической напряженности в этих странах сравнительно с первым этапом их постсоветской независимой государственности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 210-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 323.11

Политология

В статье проведен сравнительный анализ национальной политики и формирования национальной идентичности в странах Балтии. Раскрываются этнополитические причины различий и динамика реализации национальной политики на современном этапе. Рассмотрен внешний фактор в виде влияния ОБСЕ и Европейского Союза на либерализацию законодательства стран Балтии. Делается вывод о позитивном влиянии внешнего фактора на интеграционные этнические процессы внутри балтийских стран. Эмпирические данные позволяют отметить снижение межэтнической напряженности в этих странах сравнительно с первым этапом их постсоветской независимой государственности.

Ключевые слова и фразы: этнополитика; национальная политика; национальные меньшинства; национализм; национальная консолидация; страны Балтии.

Ямалова Эльвира Наилевна, к. полит. н.
Башкирский государственный университет
yamalovaen@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ БАЛТИИ

Согласно периодизации теоретика национализма М. Хроха, национальные движения в своем развитии проходят три этапа. На первом этапе происходит рождение национальной интеллигенции, которая инициирует изучение национальных традиций и культуры. На втором этапе национальная интеллигенция переходит к агитации идеи нации среди широких слоев населения. Третий этап связан с организационным оформлением и политизацией национальных движений [10]. Опыт развития национальных движений в трех странах Балтии был очень похожим и в целом подтверждает данную периодизацию.

Истоки национальных движений в странах Балтии связаны с развитием грамотности и процессами модернизации XIX в. Во второй половине XIX в. стали наблюдаться процессы, когда интеллектуалы от изучения национальной культуры и истории своего народа стали переходить к патриотической агитации, которая завершилась рождением массовых национальных движений в начале XX в. [15].

Непродолжительный период государственной независимости в период между двумя мировыми войнами оказался очень важным историческим опытом. В период «горбачевской» перестройки, когда либерализация позволила актуализировать тему расширения суверенитета республик от союзной власти, память о бывшей государственности стала использоваться как инструмент политической борьбы лидерами национальных движений. Исторические основы независимости и идея возрождения бывшей государственности стали ключевыми политическими лозунгами нового поколения политиков. Неудивительно поэтому, что в борьбе за независимость история стала наиболее важным символическим ресурсом для национальных элит республик Балтии. Она продолжает использоваться политическими игроками и на современном этапе. По-разному интерпретируя важнейшие исторические события, политические партии легитимизируют в глазах электората свои политические платформы, часто основанные на принципах защиты культуры доминирующих этнических групп [7].

В конце 1980-х гг. национальные движения в странах Балтии опирались на достаточно типичный для идеологии национализма тезис о праве народов (наций) на самоопределение. Первоначально националистический дискурс Саюдиса в Литве и Народных Фронт в Эстонии и Латвии не выходил за рамки советской национальной политики и оперировал схожей терминологией. Так, например, понятие «самоопределение наций» опиралось на концепцию «коренизации народов» и категории «титульной нации», являющихся ключевыми понятиями советской национальной политики. Идеология национальных движений в балтийских республиках обращалась к этим понятиям, требуя повысить статус для коренных наций в рамках своих республик и законодательно формализовать его на уровне союзной власти в СССР. Внутри республик этот статус должен выражаться в поддержке языков народов Балтии как государственных. В рамках Советского Союза данный концепт требовал увеличения суверенитета республиканской власти в плане расширения самостоятельности в политической, правовой, экономической, военной и дипломатической сферах. Все программы движений включали требования федерализации СССР и установления приоритета союзных республик по отношению к союзному центру.

Отличительной чертой национальных движений в балтийских республиках был тот факт, что свои требования они не ограничивали только своими республиками, но настаивали на распространение своих тезисов на все союзные республики. Поэтому значение этих движений было не только в том, что они сыграли ключевую роль в борьбе за государственную независимость стран Балтии, но и в том, что их деятельность была направлена на переформатирование конструкции управления всего СССР, что вело к мощному влиянию на политические процессы в других союзных республиках и на общесоюзные тенденции в целом [14].

Несмотря на общие истоки и логику развития национальных движений, а также универсальную модель прихода к власти лидеров национальных движений на этапе крушения советской власти, в постсоветский период решение межэтнических проблем и механизмы национально-интеграционной политики в каждом из государств Балтии существенно отличались. Причины этого во многом обусловлены разницей этнической структуры, которая сложилась в период существования СССР в балтийских республиках.

К началу независимого развития у республик Балтии была разная этническая композиция и доля титульного этноса, что предопределило различный выбор элит в проведении национальной политики и установлении законов в сфере гражданства. Так, в Латвии в 1935 доля этнических латвийцев составляла 77%, но к 1989 сократилась до 52%. В Эстонии за тот же хронологический период доля титульного этноса сократилась с 88% до 62% [18, р. 188]. Литва в этом плане имела специфику, поскольку литовцы в советский период сохранили свое этническое доминирование и к 1989 г. составляли 79,6% от всех жителей республики [2, с. 32].

Дифференциация в этнической структуре балтийских государств определяла различие в выборе стратегии по отношению к политике предоставления гражданства. Эстония и Латвия приняли законы, распространяющие гражданство на эмигрантов, вынужденных покинуть страну в советский период. В то время как советские мигранты оказались лишены автоматического получения гражданства и должны были пройти для этого процедуру натурализации. Литва отказалась от этих ограничений и приняла закон о гражданстве, распространяющий право получения на все население страны к моменту провозглашения независимости.

Различие в данном выборе существенно повлияло на дальнейшее политическое развитие. Как отмечают ряд исследователей, национализм является незаменимым элементом демократизации, однако, устойчивость инсталлированной демократии во многом определяется тем, как элиты трактуют конкретное содержание нации. Если последние выступают с позиций полиэтнических интересов, демократический прорыв получает прочные опоры. В случае узкоэтнической трактовки и выстраивании коллективной идентичности, демократия получает усеченный вид и дефекты в своем функционировании [3].

И. Каролевски, анализируя механизмы формирования коллективной идентичности в современной Европе, предлагает три идеально-типические модели, определяя их как республиканскую, либеральную и цезарианскую [11]. В центре республиканской модели находится понятие *обязанностей* граждан перед сообществом, что подразумевает ответственность и высокий уровень участия в общественной деятельности. Коллективная идентичность в данном случае базируется на убеждении граждан в доминировании общественных благ над частными. Либеральная модель строится на доминировании индивидуальных *прав* граждан, которые воспринимаются как более важные, чем общие интересы сообщества. Поэтому в рамках этой модели конструирование коллективной идентичности сталкивается с трудностями. Наконец, цезарианская модель основана на статусе гражданства, которое формирует коллективную идентичность на основе консолидации и изоляции титульного этноса от других, обеспечивая безопасность от пришлых мигрантов. По мнению И. Каролевски, данная модель способна создавать сильную коллективную идентичность на основе фобий к чужеродным элементам, но становится препятствием для устойчивости демократии.

Экстраполируя данную теоретическую схему на страны Балтии можно сказать, что Литва в постсоветский период стала реализовывать либеральную модель национальной политики, в то время как Эстония и Латвия в большей мере ориентировались на цезарианскую модель.

В Литве закон о гражданстве был принят уже в 1989 г. и не включал в себя требования натурализации. Гражданами признавались все, кто прожил в республике не менее 10 лет и сдал экзамены на знание государственного языка и конституционного права. Ценз проживания распространялся, в том числе, и на советский период, поэтому для русскоязычных переселенцев это не являлось препятствием для получения гражданства [9]. Уже через два года гражданство в Литве получили 90% населения [8, р. 49].

Одновременно с этим, Латвия и Эстония решили строить политическую систему на иных основаниях, адаптируя опыт довоенного конституционного права к новым реалиям. В Латвии было решено не отказываться от исторического наследия первой республики. Конституция 1922 г. была восстановлена, так же как и закон о гражданстве 1919 г., гарантирующий статус гражданина Латвии всем, кто населял страну до 1940 г., а также их потомкам. В итоге только 64% населения Латвии были наделены политическими правами избирать новую власть и определять будущее страны [17, р. 1090]. Наиболее дискуссионной стала норма закона 1993 г., которая ограничивала ежегодное число лиц для прохождения процедуры натурализации. Очевидно, что данное ограничение было принято из политических соображений, призванное сделать максимально долгим процесс включения в политическое поле представителей других этносов, кроме титульного.

В июле 1994 г. Сеймом Латвии был принят закон о гражданстве, который конкретизировал процедуру натурализации. Кроме норм об обязательной сдаче экзаменов на знание государственного языка, законодательства и истории страны, данный закон исключал получение гражданства для всех, кто был причастен к работе в силовых органах при советской власти [Ibidem, р. 1095].

В Эстонии Конституционное Собрание подготовило проект нового Основного закона, который принят посредством референдума 28 июня 1992 г. В этом смысле, в отличие от Латвии, эстонские политики отказались от прямого копирования досоветской Конституции 1938 г. и процесс транзита в Эстонии оказался менее консервативным. Однако в отношении гражданства законодательный процесс был аналогичен латвийскому. В том же 1992 г. Верховный Совет Эстонии принял Гражданский акт, который автоматически распространял статус граждан на всех довоенных резидентов страны и их потомков. В то же время, в отличие от Конституции Латвии, Конституция Эстонии, отсекая неграждан от выборов центральной власти, давала им право участия в муниципальных выборах [Ibidem, р. 1098].

Хотя Эстония не стала использовать систему квот в процессе натурализации, правила получения гражданства были так же жестки, как и в Латвии, с требованием знания государственного языка, права и истории. Поэтому процесс получения гражданства протекал медленно. К 1997 г. в Эстонии только 1060 тыс. человек смогли получить статус гражданина [8, р. 54].

Логика реставрации досоветских условий была распространена и на политику в области приватизации во всех трех странах Балтии. Было объявлено о возврате всей собственности владельцам, которые потеряли ее в ходе советской экспроприации. Кроме того, приватизационные ваучеры получили только те, кто обладал статусом гражданина. Все это привело к тому, что представители титульного этноса стали основными бенефициариями приватизации. Лицам без гражданства было позволено только покупать собственность в рамках рыночных правил игры. Не удивительно, что ведущие позиции в бизнесе и политической бюрократии очень быстро были заняты представителями титульного этноса, в то время как русскоговорящее население объективно вытеснялось из этих секторов [6].

Таким образом, политика в сфере гражданства в Эстонии и Латвии отражала страхи и недоверие к русскоязычным мигрантам советской эпохи и обуславливалась исторической травмой, а также недавним опытом борьбы за независимость, в ходе которого союзное правительство пыталось решить вопрос силовым путем, полагаясь на силы советской армии [16, p. 106].

Однако оценка русскоязычного населения как априори нелояльного к новой государственности не подтверждается эмпирическими данными. Так, согласно социологическим опросам, только 4,2% русскоговорящих в Латвии определяли свою доминирующую идентичность в категориях русской этничности, в то время как 53% относили себя, прежде всего, к жителям республики. В Эстонии данная пропорция составляла 12% и 38,3% соответственно [13, p. 408-409]. Сравнительно высокий уровень жизни в странах Балтии, а также позитивное восприятие будущего развития страны объясняет нежелание большинства русскоязычных жителей уезжать из республик, даже при наличии ограничения их в политических правах.

Существенную роль в либерализации национальной политики балтийских государств играл Европейский Союз, в частности, Высшая Комиссия по делам национальных меньшинств Организации Безопасности и Сотрудничества Европы (ОБСЕ), которая в связи с перспективами европейской интеграции в конце 1990-х гг. выдвинула требования по адаптации законодательств трех стран Балтии в соответствии с европейскими стандартами и интенсификации интеграции между двумя доминирующими этническими группами [17, p. 1094].

Так, в Латвии проект закона о гражданстве 1993 г. устанавливал квоту в 1600 чел. (0,1% от числа населения страны), которые могли пройти процедуру натурализации в течении одного года [16, p. 202]. Данная норма вызвала критику со стороны ОБСЕ, представители которой призвали президента страны наложить вето на данный законопроект. В результате депутаты латвийского парламента отказались от системы квот, заменив ее в 1994 г. так называемой системой *окна*, согласно которой процесс натурализации сохранялся поэтапным, но очередность получения гражданства определялась ценом оседлости, но без использования квотных ограничений. В Эстонии также можно найти примеры, когда конфликты между центральным и муниципальными уровнями власти относительно законодательства о гражданстве разрешались на компромиссной основе благодаря вмешательству ОБСЕ, предоставляющего свои услуги в качестве посредника [17, p. 1095].

Если первоначально органы Европейского Союза выступали как посредники в разрешении споров, но не влияли на выработку политических решений стран Балтии, то в дальнейшем они все более настойчиво стали подчеркивать, что перспективы европейской интеграции во многом зависят от содержания вновь принятых законодательных актов. Одним из первых эффектов давления ЕС, способствующему либерализации законодательства в рассматриваемых странах, стало принятие в 1998 г. в Эстонии закона, согласно которому теперь гражданство автоматически распространялось на детей, рожденных от неграждан. В Латвии принятию подобного закона сопутствовали жаркие политические дебаты и массовые протесты, как со стороны русскоязычных граждан, так и со стороны латвийских правых националистических сил. Это создавало препятствия для принятия закона в рамках парламента. Националисты добились выноса вопроса о либеральных поправках в закон о гражданстве на всенародный референдум. Однако, несмотря на мощную националистическую пропагандистскую кампанию, поправки были одобрены 53% населением страны и были приняты [12, p. 91-92].

Давление ЕС способствовало и либерализации электорального законодательства в Латвии и Эстонии. В 2002 г. в обоих странах была отменена норма об обязательной сдаче экзамена на знание государственного языка кандидатам, баллотирующимся в легислатуру или муниципальные органы власти [17, p. 1096].

9 мая 2013 года, после более двух лет кропотливой работы Сейм Латвии принял поправки к Закону о гражданстве. Поправки были одобрены президентом Латвии 23 мая 2013 года и вступили в силу 1 октября 2013 года.

Согласно поправкам, латвийское гражданство детям лиц без гражданства и негражданам предоставляется автоматически. Ребенок в возрасте до 15 лет, который не был зарегистрирован в качестве гражданина Латвии на момент регистрации рождения, может быть зарегистрирован как гражданин по заявлению одного из родителей. Между 15 и 18 годами ребенок может быть зарегистрирован как гражданин по его / ее собственному заявлению.

Кроме того, поправки предусматривают, что ученики, которые прошли более половины основной образовательной программы на латышском языке, освобождаются от всех экзаменов по натурализации и регистрируются в качестве граждан при подаче заявления о натурализации и соответствии требованиям, предусмотренным законом.

Поправки упрощают требования относительно периода постоянного проживания для кандидатов на натурализацию, убрав требование непрерывного проживания в Латвии. Отдельный пункт поправок касается требований к экзамену по латышскому языку и освобождений от него. А именно, требования к натурализационному экзамену по латышскому языку были приведены к единому стандарту и приравнены к требованиям централизованных тестов по языку во всех учебных заведениях – латвийских или национальных

меньшинств. Кроме того, поправки предусматривают возможность приобрести гражданство Латвии путем процедуры натурализации и для бывших военнослужащих СССР (России), которые после распада Советского Союза местом жительства выбрали Латвию.

Последние исследования показывают, что несмотря на сохраняющиеся проблемы в сфере межэтнических отношений, ситуация в этой области имеет позитивные изменения. Хотя статус титульной нации в Латвии и Эстонии является преимуществом в политической сфере, в социальной и экономической сфере этнический фактор не является решающим в механизмах социального неравенства. Более значимым фактором на рынке труда является уровень образования [4].

Хотя на современном этапе проблему , неграждан в Латвии и Эстонии нельзя назвать окончательно решенной, можно отметить определенный прогресс в нормализации ситуации. Так, в Латвии к 2014 г. процент , неграждан сократился с 29% (730 тыс. чел.) в 1995 г. до 13% (282 876 чел.). 83,6% жителей Латвии в настоящее время являются гражданами страны. К 1 января 2014 года путем натурализации латвийское гражданство получили 141 618 человек [1]. В Эстонии число , неграждан сократилось с 32% в 1992 г. до 6,5% к 2014 г. [5].

Анализ постсоветского развития стран Балтии в области национальной политики позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Истоки, становление и развитие национальных движений в трех странах Балтии имели много сходных характеристик и в целом вписываются в периодизацию М. Хроха, являясь подтверждением его концепта.

2. Построение законодательной базы в сфере гражданских прав и проведение национальной политики в постсоветский период у трех анализируемых случаев оказался различным. Если Литва использовала либеральную модель национальной интеграции, то в Эстонии и Латвии политические элиты стали проводить этноцентрическую политику, которая в целом укладывается в модель, определяемую И. Каролевски как , цезарианская».

3. На современном этапе наблюдается либерализация законодательства и политических практик во всех трех балтийских государствах в области национальной политики. В значительной степени это стало эффектом влияния Европейского Союза и его политических структур.

4. Несмотря на существование нерешенных проблем и конфликтных точек в сфере межэтнических отношений в странах Балтии, на современном этапе демократизация политических систем этих государств позволила существенно понизить градус напряжения между основными этническими группами и улучшить общую ситуацию в сфере межнациональных отношений.

5. Этнополитические процессы в странах Балтии имеют существенный интерес для политической науки и этнополитологии, поскольку позволяют эмпирически доказать взаимосвязь между этнической структурой социума и логикой принятия политических решений в области межнациональных отношений. Для многонационального российского социума опыт балтийских стран является крайне полезным, позволяющим утверждать, что причиной межнациональных противоречий является не сам факт полиэтничности, а политико-правовая и социальная изоляция разных этнических групп друг от друга. Демократизация и либерализация законодательства в сфере национальных отношений, а также программы по национальной интеграции способны увеличить уровень доверия и сотрудничества между разными этническими группами и минимизировать риски межнациональной напряженности.

Список литературы

1. **Основные факты латвийской политики в области гражданства и языка, а также отдельные сложные вопросы нашей истории** [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Латвийской Республики (официальный сайт). URL: <http://www.mfa.gov.lv/ru/information/releases/2014/march/14-2/> (дата обращения: 20.10.2014).
2. **Фурман Е. Д.** Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Книжный дом , ЛИБРОКОМ, 2009. 200 с.
3. **Шкель С. Н.** Типология постсоветских политических режимов: синтез электорального и неопатримониального подходов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46). Ч. 2. С. 210-217.
4. **Aasland A., Flotten T.** Ethnicity and Social Exclusion in Estonia and Latvia // *Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. № 7. P. 1023-1049.
5. **Citizenship** [Электронный ресурс]. URL: <http://estonia.eu/about-estonia/society/citizenship.html> (дата обращения: 20.10.2014).
6. **Commercio M.** Systems of Partial Control: Ethnic Dynamics in Post-Soviet Estonia and Latvia // *Studies in Comparative International Development*. 2008. Vol. 43. № 1. P. 81-100.
7. **Eglitis D., Ardava L.** The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. № 6. P. 1033-1059.
8. **Gelazis N.** The Effects of EU Conditionality on Citizenship Policies and the Protection of National Minorities in the Baltic States // *The Road to the European Union*. Manchester: Manchester University Press, 2003. Vol. 2. Estonia, Latvia and Lithuania. P. 47-59.
9. **Ginsburgs G.** The Citizenship of the Baltic States // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 21. № 1. P. 3-26.
10. **Hroch M.** Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Columbia: Columbia University Press, 1985. 220 p.
11. **Karolewski I. P.** Citizenship and Collective Identity in Europe. N. Y.: Routledge, 2010. 266 p.
12. **Kelley J.** Ethnic Politics in Europe: The Power of Norms and Incentives. Princeton, NJ & Oxford: Princeton University Press, 2004. 276 p.
13. **Linz J., Stepan A.** Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore, MD & London: The Johns Hopkins University Press, 1996. 479 p.

14. Muiznieks N. The Influence of the Baltic Popular Movements on the Process of Soviet Disintegration // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 1. P. 3-25.
15. Raun T., Plakans A. The Estonian and Latvian National Movements: An Assessment of Miroslav Hroch's Model // Journal of Baltic Studies. 1990. Vol. 21. № 2. P. 131-144.
16. Smith G. Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 308 p.
17. Solska M. Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 6. P. 1089-1108.
18. Steen A. Accessioning Liberal Compliance? Baltic Elites and Ethnic Politics under New International Conditions // International Journal on Minority and Group Rights. 2006. Vol. 13. № 2-3. P. 187-207.

FORMATION OF NATIONAL IDENTITY IN THE BALTIC STATES

Yamalova El'vira Nailevna, Ph. D. in Political Sciences

Bashkir State University

yamalovaen@mail.ru

The article provides a comparative analysis of national policy and the formation of national identity in the Baltic States. The paper reveals ethnopolitical reasons for differences and the dynamics of the realization of national policy in the modern period. The author examines external factor in the form of the influence of OSCE (Organization for Security and Co-operation in Europe) and the European Union on the liberalization of the legislation of the Baltic States. The researcher concludes on the positive influence of external factor on integration ethnic processes within the Baltic States. Empirical data allow identifying the de-escalation of inter-ethnic tensions in these countries in comparison with the first stage of their post-Soviet independent statehood.

Key words and phrases: ethno-politics; national policy; national minorities; nationalism; national consolidation; the Baltic States.

УДК 130.2

Философские науки

Хотя русское неоязычество распространено преимущественно в среде городской интеллигенции, ему имманентен антиурбанизм, связанный с неприятием технократической цивилизации. С другой стороны, стремясь подчеркнуть величие предков, носители этнически ориентированного неоязычества приписывают им изначальное обладание всеми атрибутами цивилизации, в число которых входят города. По мнению автора, двойственное отношение к городу в русском неоязычестве конца XX – начала XXI в. обусловлено как архетипами библейской культуры, так и противоречивостью урбанизационных процессов в истории России.

Ключевые слова и фразы: новые религиозные движения; неоязычество; неоархаика; антиурбанизм; ретроутопия.

Яшин Владимир Борисович, к.и.н., доцент

Омский государственный педагогический университет

yashin.vb@mail.ru

ГОРОД В КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА: ИСТОКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИМВОЛИКИ

Одна из наиболее очевидных классификаций неоязыческих движений предполагает выделение двух основных его вариантов (впрочем, в значительной степени когерентных и диффузных по отношению друг к другу). Первый из них связан с обществами, в которых, несмотря на воздействие той или иной авраамической религии, сохранялась живая практика поддержания и трансляции локально-этнических традиций мифоритуального характера. В этом случае неоязычество представляет собой определенную стадию трансформации традиционных верований и культов; его основным носителем выступает сельское население. Второй вариант неоязычества присущ обществам, где аутентичная доавраамическая традиция давно прервалась, оставив о себе лишь фрагментарные и малоинформативные свидетельства. Применительно к такой ситуации, следует говорить не о возрождении религии, а о конструировании идеологической основы для новой социально-политической общности, более соответствующей условиям модернизаций [12, с. 12]. При всей своей апелляции к изначальной древности неоязыческий дискурс такого рода интегрирован в более широкий феномен так называемых новых религиозных движений и характерен, в первую очередь, для городских субкультур.

Русское неоязычество, ставшее с конца 1980-х – начала 1990-х гг. заметным фактором духовных и идейно-политических процессов в российском социуме, бесспорно, относится ко второму типу, что уже неоднократно отмечали многие исследователи. Например, В. А. Шнирельман пишет о русском неоязычестве как об общенациональной религии, искусственно создаваемой городской интеллигенцией из фрагментов древних дохристианских локальных верований и обрядов [Там же]. На этом же настаивает А. В. Прокофьев: